

Триумф и трагедия Фрейда

6 мая 1856 года в 6.30 вечера на Шлоссергассе, 117, в городе Фрайберге Моравии на свет появился человек, интерес к личности и трудам которого не угасает в мире по сей день. Зигмунд Шломо Фрейд, сын скромного торговца шерстью и сукном Якоба и восхитительной девушки Амалии. Рожденный «в сорочке», он с раннего возраста был окутан предсказаниями посторонних и верой родных в свое будущее величие. Казалось, сама судьба благоволила Фрейду — любимое дитя, окруженное материнской заботой и гордостью, убежденность отца в том, что из сына вырастет величайший врачеватель, слава о котором распространится далеко за пределы Австрии. Фрейд искренне уверовал, что ему уготована особая миссия — свершить неведомое доселе человечеству открытие, по величию своему не уступающее подвигам мифических героев. Но мог ли он, вдохновленный желанием первооткрывательства, предвидеть весь триумф и всю трагедию, увенчавшие плод его исканий? Не имея, в силу своей родословной, большого выбора будущей профессии, он без всякого к тому тяготения поступает на медицинский факультет. Наделенный педантичностью и чувством ответственности, Фрейд с отличием постигает врачебное дело, томясь при этом невыносимой обреченностью от одной лишь мысли — до конца дней своих возиться с безнадежными пациентами и влачить жалкое существование не любящего своего ремесла врачевателя. Он проходит путь от стажера в лаборатории Брюкке до главного врача в неврологическом отделении Шольца, утрачивая веру не только в свое предназначение, но и в везение. «Кто я? Старый, жалкий на вид еврей», — горестно сетует он своему приятелю. Без денег, без ясных перспектив на будущее, с семейными обязательствами и так и не появившимся делом жизни, которое полностью овладело бы его умом и жадой. Жадой найти себе применение. Все будто бы твердило ему о его личной заурядности, о глупой, надуманной затее — стать великим, как саркастичная шутка, подброшенная ему врагами, чтобы вдоволь посмеяться над его доверчивостью и самомнением. Но судьба, столь много обещавшая Зигмунду в отроческие годы, наконец-то улыбнулась ему в лице двух коллег, чьи имена Фрейд будет упоминать с трепетным благоговением и благодарностью: Шарко и Брейер. Первый своими своеобразными взглядами на истерию и гипнотизм произвел на Фрейда сильное впечатление и сыграл значительную роль в его повороте от невролога к пси-

хопатологу. Брейер, поведав Фрейду о своей пациентке Анне О., впоследствии ставшей, благодаря провидению самого же Фрейда, знаменитой, фактически сподвиг его к грандиозному замыслу, начавшемуся как смутный проблеск понимания таинственной стороны человеческой психики и приведшему в итоге к открытию психоанализа. На этом долгом пути зарождения новой концепции о разуме человека Фрейд оказался один. Никто из его вдохновителей и помощников не сумел или не захотел систематизировать свои наблюдения, посвятить свою деятельность серьезному и тщательному изучению этой темы. Возможно, это не было им интересно; возможно, они не понимали до конца, с чем имеют дело. Шарко отнесся безразлично к энтузиазму Фрейда по поводу изучения болезни Анны О. Брейер, запутавшись в своих чувствах к Анне и дав повод жене для ревности, в панике бежал от своей пациентки, когда у той начались воображаемые «истерические» схватки родов их мнимого ребенка. Передав ее Фрейду, он более не возвращался к этой непредсказуемой и пугающей области. Фрейд оказался не только более устойчивым и невосприимчивым к экстравагантным выходкам пациентов, но и более трудолюбивым и последовательным в своих наблюдениях и суждениях. Нащупав нужную нить, он с темпераментом «конкистадора» вошел в темные задворки человеческого сознания, шаг за шагом срывая покровы, веками скрывавшие самые потайные и сокровенные страсти, страхи и мотивы людей. Свободные ассоциации, защитные механизмы, толкование снов, либидо... Фрейд по крупицам собирает основы своего главного творения — психоанализа. Будучи приверженцем строгих этических убеждений, он первым подвергает себя честному и неприкрытому самоанализу, финальным аккордом превратившему весь его опыт и все его познания в новое, фундаментальное учение о человеке. Фрейд захотел изменить мир, дав ему универсальную теорию человеческого поведения, еще долгое время оставаясь в полном одиночестве среди непонимания и недоверия. Только с выходом «Толкования сновидений» (1900) его популярность начала постепенно расти, а психоанализ стал завоевывать последователей и континенты. Вспыхнувшие в ответ яростная оппозиция, циничные насмешки и ядовитые нападки несколько не смущали Фрейда, выработавшего с юности в себе стойкость, и лишь укрепляли его в вере в правильность своего пути. Он избирает единственно приемлемую для себя позицию — категоричное несогласие с любым возражением в адрес своих теорий, абсолютная убежденность в личной правоте и робкая надежда на мудрость новых поколе-

Триумф и трагедия Фрейда

ний, которые сумеют верно оценить его труды. Триумф и признание не заставили более себя ждать. Имя Фрейда вознеслось над миром. Психология, медицина, социология, антропология, литература и искусство XX века прониклись идеями фрейдизма. Ни один другой ученый не имел столь мощного влияния. Научные деятели, творческие личности, простые обыватели с азартом поддались модному влиянию — взирать глазами Фрейда на человеческие мотивы, влечения и поступки, будь то в жизни или в искусстве. Фрейд мог бы упиваться триумфом, к которому так стремился с юных лет. Но судьба делает новый виток, полный трагизма и все такого же одиночества, преследовавшего Фрейда всю его земную жизнь. «Мы входим в мир одиноками и одиноками покидаем его», — безнадежно повторял Фрейд. Отступничество учеников, нанесшее тяжелый удар, прогрессирующая болезнь, мучительно изнуряющая физическое и душевное состояние, жестокая и иррациональная сущность человеческого бытия, вызывающая горькую иронию и разочарование, лишь подтолкнули к вынужденному уходу. Вопреки расхожему мнению, Фрейд не стремился стать революционером. Он им и не был. Желание общества разрушить до основания старые устои пугало его. Будучи далеко не религиозным человеком, он тем не менее осознавал и предвидел всю опасность радикальных изменений в общественном устройстве. «Если Вам угодно изгнать из нашей европейской культуры религию, то этого можно достичь только с помощью другой системы учений, которая с самого начала переймет все психологические черты религии, тот же священный характер, ту же косность, нетерпимость, тот же запрет на мысль в целях самозащиты». То, что должно было освободить человека, стало орудием против самого же себя. Психоанализ вышел за пределы изначальных рамок метода выявления душевных страданий и комплексов и стал для общества вратами к вожделенной свободе, к раскрепощению от оков запрета и стыда. Общество с лихвой воспользовалось данной свободой. Сначала стыдливо и настороженно, но со временем все более открыто и требовательно оно повышало свои запросы на раскрепощенность и самовыражение. У общества больше не осталось тайн, оно позволило себе намного больше, чем когда-то предполагало. Оно утратило сомнения в себе и вместе с тем нужду в изобличениях своего несовершенства. Его стал до нетерпимости раздражать нос Фрейда, сующийся в изъяны людской психики. У свободы не может быть душевных страданий. На то она и свобода. Свобода не обязана оставлять выбор или пресмыкаться перед моралью. Фрейд со своими оглядками

на моральные устои стал скучен обществу. Ученому отведено заслуженное место на хрустальном пьедестале, приснившемся ему когда-то в образе стеклянного цилиндра. Общество признательно жмет ему руку за указанное направление и уходит прочь без путеводителя, оставляя его, как забавную фигурку, в искусственном блеске восхищения, сплетен и одиночества. Круг судьбы замкнулся.

Фрейд начинал изгоем. Изгоем он в истории и останется.

«Лекции по введению в психоанализ» Фрейд читал в течение двух зимних семестров 1915/16 гг. и 1916/17 гг. смешанной аудитории, включающей в себя слушателей разных факультетов. Разношерстность аудитории определила особенность изложения материала Фрейдом, в котором он стремился не к строго научной академичности, а к тому, чтобы заинтересовать слушателей и удержать их внимание в течение отведенных ему двух часов. Проведя лекции первой части импровизационно, Фрейд систематизировал свой подход для чтения лекций второй части. Стиль научного популяризаторства был избран им как наиболее подходящий для объяснения тем лекций с разных сторон, с целью более углубленного изучения предметов обсуждения и расширения знаний аудитории о них. К тому времени Фрейд полностью сформулировал основные постулаты психоанализа — своей главной научной концепции, рассматривающей человеческое поведение, структуру личности, природу влечений и механизмы бессознательного, концепции, ставшей в итоге влиятельным методом разоблачения психических расстройств. Психоанализ обрел не только сторонников, но и ярых противников. Цикл лекций, направленный на широкую аудиторию, дает Фрейду, не принужденному в силу своего возраста к обязательному преподаванию в Университете, возможность привлечь интерес публики и ее благосклонность.

Фрейд посвящает аудиторию в тайны психоанализа, раскрывает суть человеческих неврозов, страхов, фантазий и обнажает скрытые стелания человеческой сексуальности. Говоря о сложных психических структурах, Фрейд часто прибегает к метафоре и обыгрывает их в ролях живых существ, имеющих свои намерения, цели и особенности поведения. В таком виде он и создал свой труд, предупредив читателя о том, что в нем он найдет немного из того, что было бы ему неизвестно из других, более подробных публикаций. Он явно скромничал, поскольку сам предложил ранее никем не использованные до него подходы (в частности, по этимологии страха), благодаря

Триумф и трагедия Фрейда

которым «Лекции по введению в психоанализ» нашли достаточно широкий отклик и были переведены на множество языков. Так, две тысячи экземпляров на русском языке были проданы в Москве в течение месяца. В конце 1910-х годов психоанализ в России пользовался большой популярностью. И в начале 30-х Фрейд пишет новый цикл лекций по психоанализу. Правда, на это его подвигло также безвыходное финансовое положение немецкого издательства «Verlag», одним из директоров которого он был: «Конечно, эта работа делается более для нужд “Verlag”, нежели ради какой-либо надобности с моей стороны, но человеку всегда следует чем-нибудь заниматься, в чем его могут прервать, — это лучше, чем опускаться в состояние лени». В этой серии лекций он дал новое определение структуры человеческой личности. Если раньше он считал, что психическая жизнь состоит из бессознательного, предсознательного и сознательного, то теперь он предложил модель из Сверх-Я, Я и Оно, где Оно — примитивная часть личности человека, Я — посредник между внешней средой и ответными реакциями организма, и Сверх-Я — источник моральных и религиозных чувств, некий сдерживающий фактор. Фрейд пояснял, что новые лекции ни в коей мере не заменяют предыдущие, а лишь продолжают и дополняют ранние из них. Он разделил их на три группы, относя к первой те, в которых вновь разрабатываются темы, уже обсуждавшиеся в свое время, но требующие другого изложения, или, как признавался Фрейд, критического пересмотра по причине углубления исследовательских взглядов и изменения воззрений. Две другие же группы включили, собственно, более обширный материал, где рассматриваются случаи, которых либо вообще не существовало в то время, когда читались первые лекции по психоанализу, либо их было слишком мало, чтобы выделить в особую главу. Фрейд предупреждал, что «профессиональному аналитику они дадут мало нового, а обращаются к той большой группе образованных людей, которые могли бы проявить благосклонный, хотя и сдержанный интерес к своеобразию и достижениям молодой науки». На этот раз Фрейд отказался от стремления к кажущейся простоте, полноте и законченности, а избрал иной путь: не скрывать проблем, не отрицать пробелов и сомнений. «От психологии как будто требуют не успехов в познании, а каких-то других достижений; ее упрекают в любой нерешенной проблеме, в любом откровенно высказанном сомнении, — говорит Фрейд. — Кто любит науку о жизни души, тот должен примириться и с этой несправедливостью».

Работа Фрейда «Психология масс и анализ Я» вышла в свет в 1921 году, когда автору было 65 лет. С присущей ему самокритичностью он говорил, что не считает книгу особенно удачной и намечает в ней только путь от анализа индивида к изучению общества. Будучи увлечен своей теорией и раскрытием тайн индивидуального бессознательного, Фрейд тем не менее долгие годы оставался в стороне от вопросов, касающихся психологии общества. Вызов был брошен самим временем. Революция в царской России, Первая мировая война, перекройка социальных строев и устоев, нарастающий интерес к пониманию общественных процессов сподвигли Фрейда выразить свое мнение относительно психологии, отвечая тем самым на запрос общества. В данной работе Фрейд пытается ответить на вопрос, каким образом изменения в психике индивида могут повлиять на психологию толпы и как массы меняют индивида. Возможно, что еще одной из причин, заставивших Фрейда обратиться к этой теме, стал незадолго до этого открытый им феномен человеческой психики — влечение к смерти, или инстинкт смерти. Осознание этого феномена было своего рода потрясением для Фрейда. Вопрос, как далеко общество может зайти, поддавшись разрушительному инстинкту, не переставал мучить автора до конца жизни. Как и любой другой труд Фрейда, книга «Психология масс и анализ Я» оказала огромное влияние на дальнейшие исследования и новые концепции в области психологии, психотерапии, а также философии и социологии.

«Будущее одной иллюзии», пожалуй, один из самых драматичных по эмоциональности и содержанию трудов Фрейда. В нем Фрейд оставляет в стороне свою психологическую концепцию о сексуальных влечениях и выводит на первый план новые, противоположные по сути, идеи о влечении к смерти и разрушению.

В данной книге Фрейд затрагивает проблемы цивилизации с ее стремлением создавать материальные блага для удовлетворения своих потребностей и с необходимостью устанавливать правила и запреты, нужные для урегулирования человеческих взаимоотношений. В своих наблюдениях и размышлениях Фрейд противопоставляет цивилизованному обществу личность — индивидуума, стремящегося к разрушительным и антиобщественным позывам, определяющим поведение многих людей. В поисках решения Фрейд бросает вызов религии и призывает к культурным ограничениям, способным примирить чело-

Триумф и трагедия Фрейда

века с цивилизацией. Данный труд является наиболее поздней работой Фрейда, написанию которой предшествовала череда личных сложностей и жизненных проблем, изложенных в биографической книге Эрнеста Джонса «Жизнь и творения Зигмунда Фрейда». В конце 30-х годов прошлого века в Соединенных Штатах широко распространилась информация о том, что Фрейд радикально изменил свои взгляды на практику психоанализа, — что его глубоко возмутило своей необоснованностью и искажением истинного высказывания. Издательская фирма «Verlag», которая была дорога его сердцу, находилась на грани банкротства.

Здоровье его тоже заметно ухудшалось. Фрейд признавался, что «находит жизнь ради здоровья непереносимой». В 1927 году Фрейдом были написаны три литературных произведения, по поводу которых он меланхолически заметил: «Вероятно, за этим ничего не последует».

И в том же году он опубликовал свою книгу «Будущее одной иллюзии». Эта книга породила множество едких дискуссий. Его бывший ученик, отступник Ференци, написал, умаляя значимость этой книги, следующее: «Теперь она кажется мне почти детской; в сущности, я думаю по-другому; я считаю эту книгу слабо написанной аналитически и неадекватной как исповедь». Однако в то время в Англии поднялось много споров на религиозные темы, начиная с толкования епископом Бирмингема антропологического происхождения веры в пресуществление.

Таким образом, встав на рискованный путь критики религии, Фрейд понимал значимость будущих толкований его труда, в котором он не только предвидел грядущие изменения в обществе, но и предостерегал от радикальных решений.

Обширное эссе «Достоевский и отцеубийство» было опубликовано в 1928 году. По воспоминаниям Эрнеста Джонса, за два года до этого Фрейд был приглашен написать психологическое введение к учебному тому «Братьев Карамазовых», который издавали Ф. Экстейн и Ф. Фюлоп-Миллер. Он начал работать над текстом весной 1926 года, но затем отвлекся на создание заказанной ему брошюры. Потом в руки Фрейду попал очерк И. Нейфельда, опубликованный издательством «Verlag», где говорилось многое из того, что сам Фрейд хотел написать об этой книге с точки зрения подходов психоанализа. Однако, заказчики настаивали, чтобы Фрейд закончил работу, и посылали ему книгу за книгой, включая всю переписку Достоевского. В итоге в начале 1927 года эссе было написано. Оно явилось по-

следним и наиболее значимым вкладом Фрейда в психологию литературы. Ученый исключительно высоко ценил дарования Достоевского. Фрейд говорил о нем: «Как писатель-творец он почти не уступает Шекспиру. Книга “Братья Карамазовы” является величайшим из всех романов, которые когда-либо были написаны, а эпизод с Великим инквизитором является одним из наивысших достижений мировой литературы, значение которого почти невозможно переоценить». Но в Достоевском-человеке Фрейд был явно разочарован: вместо того, чтобы вести человечество к лучшей жизни, писатель сделался обычным реакционером.

В своем эссе ученый заметил, что отнюдь не случайно три шедевра мировой литературы написаны на тему отцеубийства: «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира и «Братья Карамазовы» Достоевского. Он оставил интересные замечания о личности Достоевского, о его истерико-эпилептических припадках, страсти к игре в карты, и, самое важное — о разных типах добродетели, которые почерпнул из множества типов характеров, показанных Достоевским в романе.

Теодор Райк откликнулся на эссе Фрейда большой, хорошо продуманной рецензией, указал на некоторые недочеты учителя. Интересно, что в ответном письме Райку Фрейд, согласившись со многими высказанными замечаниями коллеги, заметил: «Вы правы, предполагая, что на самом деле я не люблю Достоевского, несмотря на все мое восхищение его глубиной и превосходством. Вероятно, это происходит потому, что мое терпение к патологическим натурам истощается в проводимых мною анализах. В искусстве и в жизни я их не переносу. Это моя личная характерная черта, которая не обязательно способствует справедливой оценке других людей». Слышима в словах Фрейда раздраженность позволяют разглядеть некую претензию, которую он негласно предъявляет Достоевскому как писателю и личности. Он также небезосновательно замечает, что так называемая эпилепсия Федора Михайловича, возможно, носила истерический, аффективный или подражающий характер. Этот вывод Фрейд делает не только на основе истории жизни писателя, но и на факте его интеллекта и высокого творческого потенциала. Примечательно, что сам Достоевский, описывая свои состояния, говорил, что они напоминали падучую, но ею не являлись. Оставив в стороне болезненные проявления писателя, Фрейд тем не менее не старался проявить снисхождения к Достоевскому, при том что, в отличие от детства Достоевского, детство Фрейда было куда более благополучным,

Триумф и трагедия Фрейда

а отец последнего был мягок и добр. Но было бы несправедливо считать, что Фрейд слишком жесток в своей оценке личности Достоевского. В те годы ученый был единственным психоаналитиком, подвергшим себя самого честному, избличительному самоанализу. Он открыто говорил о своих личных невробах и комплексах, берущих начало из его раннего детства. И в чем нельзя обвинить Фрейда, так это в предвзятости и бессердечности. Возможно, такое строгое отношение к Достоевскому было обусловлено тем, что Фрейд предъявлял к нему те же требования, что и к самому себе, видя в нем равного.

Сразу же после выхода в свет «Толкования сновидений» в 1900 году, Фрейд написал более сжатую и доступную версию своей теории снов. Труд Фрейда о снах по праву считается его самой важной и оригинальной работой, несущей абсолютно новые и неожиданные заключения о структуре сновидений и природе бессознательного. Как отзывался о своей теории снов сам Фрейд, «подобное прозрение выпадает на долю человека лишь раз в жизни». Эрнест Джонс вспоминал, что очень многие сходились в общем мнении: «Благодаря этому труду имя Фрейда будет помниться дольше всего». Биографические описания указывают, что интерес Фрейда к сновидениям восходит к его детству; ему часто снились сны, и первое время он даже записывал их. Уже в зрелом возрасте он признавался своей будущей жене Марте в одном из писем: «Мне снятся такие буйные сновидения. Мне никогда не снились те дела, которые занимали меня в течение дня, а лишь такие, которых я мельком касался в течение дня, а затем переходил к другим делам». Позднее это легло в основу теории Фрейда о сновидениях. Начав их исследовать, ученый придавал каждому огромное значение, но сам способ обдумывания сновидений был еще не профессиональным, а достаточно условным. Историческим моментом считается 24 июля 1895 года, когда Фрейд в ходе первого полного анализа одного из своих сновидений, известного как «Сон об инъекции Ирме», подтвердил свою догадку о том, что осуществление скрытого желания является сущностью сновидения. Вдохновленный открытием, Фрейд полушутливо спросил своего лучшего друга Флисса, не думает ли тот, что когда-нибудь в ресторане замка Бельвю, где произошло это событие, будет водружена мраморная доска со следующей надписью: «Здесь 24 июля 1895 года доктору Зигмунду Фрейду открылась тайна сновидения».

Отсылая рукопись «Толкование сновидений» в типографию, Фрейд чувствовал, что расставался с частицей самого себя.

Эдуард Марон

Однако спустя шесть месяцев он писал, что в течение многих часов для него было утешением думать о том, что этой книгой он оставит по себе память. Правда, вначале его ожидало тяжелое разочарование. Было напечатано только 600 экземпляров книги, и чтобы их продать, потребовалось восемь лет. Спустя полтора года после выхода книги в частном письме Фрейд с грустью заметил, что ни одно научное периодическое издание не упомянуло об этой книге. Она просто игнорировалась. Кроме того, в одной из венских газет появился презрительный обзор работы Фрейда, написанный Буркхардтом, бывшим директором Бург-театра, спустя шесть недель после появления его книги, что положило конец покупке его книги в Вене. На фоне молчания звучали и уничижительные оценки. Так, Вильгельм Штерн, физиолог, заявил об опасности того, что «некритичным умам понравится присоединиться к этой вольной игре идей и они закончат полнейшим мистицизмом и хаотической произвольностью», а профессор Липманн, тоже из Берлина, смог лишь заметить, что «в этой книге образные мысли художника взяли верх над мыслями научного исследователя». Спустя много лет, в 1927 году, профессор Хохе из Фрайбурга в своей книге «Грезящее Я» поставил теорию сновидений Фрейда в своей последней главе о «Мистицизме во время сна» на одну доску с вещими сновидениями и с «хорошо известными сонниками, которые можно найти в столах у кухарок». Фрейду пришлось ждать десять лет с момента выхода его книги, пока наконец общественность не поняла важности его труда. Тогда сразу появилось второе издание, а к 1929 году их уже было восемь. Первые переводы этой книги были сделаны на английский и русский языки (оба в 1913 году). Затем последовали переводы на испанский (1922), французский (1926), шведский (1927), японский (1930), венгерский (1934) и чешский (1938). Книга «Толкование сновидений» и ее краткая версия «О сновидении» стали заслуженно мировым научным достоянием.

*Эдуард Марон,
психиатр-консультант, профессор психиатрии
Тартуского Университета,
почетный лектор Имперского
колледжа Лондона*

Лекции по введению в психоанализ

Перевод *А. Боковой*